

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 59–69.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 1 (86). P. 59–69.

Научная статья
УДК 24:94(470.47)“1920/1940”
doi: 10.54398/1818-510X.2026.86.1.005

СОХРАНЕНИЕ БУДДИЙСКОГО НАСЛЕДИЯ
В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ:
ИСТОРИЯ ДВУХ ТАНОК ИЗ УРОЧИЩА АЛЦЫНХУТА

Мучаева Ирина Ивановна

Национальный музей Республики Калмыкия, г. Элиста, Россия
Muchaevaii@yandex.ru

Аннотация. Исследование обладает высокой научной актуальностью ввиду недостаточной изученности репрессий против буддийской культуры в СССР в 1920–1930-е гг. Через микроисторический сюжет о спасении двух буддийских танок из урочища Алцынхута работа реконструирует стратегии сохранения религиозных артефактов в условиях идеологического давления. Основной целью является реконструкция полного жизненного цикла этих реликвий – от ритуального использования через изъятие и музейное хранение до возвращения в контекст возрождающейся культуры. Исследование основано на комплексном анализе архивных материалов, музейных документов и визуальных источников. Методологическая основа включает принцип историзма, историко-системный и микроисторический подходы, позволяющие через частный случай раскрыть масштабные процессы. Выводы работы свидетельствуют, что антирелигиозная кампания в Калмыкии носила тотальный характер, привела к уничтожению культовых сооружений. Однако государству не удалось полностью искоренить религиозную идентичность. В послевоенный период произошла трансформация государственной политики – от тактики уничтожения к управляемому существованию религиозных институтов и частичной реституции наследия. История танок иллюстрирует общую закономерность сохранения и последующего возрождения религиозной традиции на местном уровне.

Ключевые слова: антирелигиозная политика советского государства, антирелигиозная кампания, буддийское культурное наследие, Калмыкия, буддийские танки, хурульный комплекс Алцынхута, сохранение культурного наследия, религиозные артефакты, музеефикация культовых предметов, реституция религиозного наследия, тайные буддийские практики

Для цитирования: Мучаева И. И. Сохранение буддийского наследия в годы советской антирелигиозной политики: история двух танок из урочища Алцынхута // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 59–69. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.86.1.005>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

SAVING BUDDHIST HERITAGE DURING SOVIET ANTIRELIGIOUS POLICY:
THE STORY OF TWO TANKS FROM THE ALTSINKHUTA TRACT

Irina I. Muchaeva

National Museum of the Republic of Kalmykia, Elista, Russia
Muchaevaii@yandex.ru

Abstract. This study is of significant scientific relevance due to the insufficient study of the fate of Buddhist heritage in the USSR in the context of the antireligious policies of the 1920s and 1930s. In Soviet and Russian historiography, repressions against Buddhist culture remain understudied. An analysis of the antireligious propaganda of the 1920s and 1930s shows that it was pervasive and

included legislative measures. This study introduces a specific microhistorical story about the rescue of two Buddhist thangkas, demonstrating strategies for preserving religious artifacts under conditions of ideological pressure. The main goal of the study is to reconstruct the historical path of two Buddhist thangkas from the Altsinkhuta tract as a cross-cutting narrative reflecting the stages of state policy towards religious heritage. The study traces the full life cycle of religious artifacts – from ritual use through confiscation and museum storage to their return to the context of a resurgent regional culture. Additional objectives include identifying the role of the individual in preserving cultural heritage (using the example of scholar L. Z. Zakharov) and analyzing the continuity of the state's approach to religious heritage – from outright destruction to partial restitution. The study is based on a comprehensive analysis of diverse sources: materials from the State Archives of the Russian Federation, the State Archives of the Saratov Region, and museum documents from the Stavropol State Historical, Cultural, Natural, and Landscape Museum-Reserve named after G. N. Prozritelev and G. K. Prave; visual sources – Buddhist thangkas themselves with their iconographic features; and Soviet-era legislative acts regulating religious policy. The methodological framework incorporates the core principle of historicism, as well as historical-systemic and chronological methods, allowing for a historical perspective and systemic connections to be considered in the research object. A microhistorical approach is crucial, allowing for the uncovering of large-scale historical processes through individual cases. The study led to the following conclusions: the antireligious campaign in Kalmykia was all-encompassing, leading to the complete destruction of religious buildings, as evidenced by the fate of the khurul complex in Altsinkhuta. Despite systematic antireligious propaganda, the state failed to completely eradicate the religious component. In the post-war period, the state's approach shifted from a tactic of destruction to the managed existence of religious institutions and the partial restitution of cultural heritage. The micro-history of two thangkas from Altsinkhuta illustrates the general pattern of preserving religious identity at the local level, which subsequently allowed for its revival.

Keywords: Antireligious policy of the Soviet state, antireligious campaign, Buddhist cultural heritage, Kalmykia, Buddhist thangkas, Altsinkhut khurul complex, cultural heritage preservation, religious artifacts, museification of religious objects, restitution of religious heritage, secret Buddhist practices

For citation: Muchaeva I. I. Saving Buddhist Heritage During Soviet Antireligious Policy: The Story of Two Tanks from the Altsinkhuta Tract. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 1 (86), pp. 59–69. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.86.1.005> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

История религиозных гонений в СССР традиционно разрабатывалась преимущественно на материалах христианских конфессий, создавая существенный перекосяк в научном понимании феномена советской антирелигиозной политики. Буддийское наследие народов России, включая калмыков, оставалось на периферии исследовательского внимания, несмотря на его уникальность и глубокую укорененность в культуре этих народов. На примере судьбы двух танок из Алцынхуты открывается возможность не только восполнить этот пробел, но и выявить специфические формы сопротивления религиозных общин буддийской традиции, отличающиеся от стратегий христианских конфессий. Исследование позволяет перейти от общих характеристик антирелигиозной политики к микроисторическому анализу конкретных артефактов и судеб, связанных с их сохранением.

Уникальность буддийского наследия Калмыкии как объекта исследования заключается в его двойственной природе, будучи религиозным феноменом, оно одновременно составляет фундамент этнокультурной идентичности калмыцкого народа. Это обусловило специфические формы советской антирелигиозной политики в регионе, сочетавшие прямые репрессии с попытками адаптации отдельных элементов буддийской культуры в рамках советской идеологии. Исследование механизмов сохранения буддийских артефактов, таких как танки из Алцынхуты, позволяет выявить не только методы уничтожения религиозного наследия, но и сложные стратегии

адаптации, сопротивления и «культурного мимикрирования», разработанные буддийской общиной для сохранения своей традиции.

Актуальность исследования истории спасения буддийского наследия в советский период усиливается в контексте современного возрождения буддизма в Калмыкии, где строительство новых хурулов и восстановление религиозных традиций активно происходит с 1990-х гг. Сохраненные в годы гонений артефакты становятся важнейшим ресурсом ревитализации религиозной практики, выступая связующим звеном между досоветским и постсоветским периодами буддийской истории региона. Многие из предметов, тайно сохраненные верующими в советское время, сегодня становятся частью музейных экспозиций, как, например, в музее истории буддизма при центральном хуруле «Золотая обитель Будды Шакьямуни», выполняя функцию вещественного доказательства непрерывности религиозной традиции.

Целью данной работы являлась реконструкция истории двух буддийских танок из урочища Алцынхута как сквозного сюжета, отражающего этапы государственной политики по отношению к религиозному наследию – от тотального уничтожения до частичной реституции в период реабилитации репрессированных народов.

Научная новизна исследования заключается в следующих аспектах: введение в научный оборот конкретного исторического сюжета о спасении и дальнейшей музейной реституции двух буддийских танок, который ранее не был предметом отдельного изучения; выявление роли отдельной личности (ученого Л. З. Захарова) как защитника сохранения наследия, действовавшего в условиях целенаправленной государственной политики на уничтожение религиозных артефактов; анализ преемственности и изменений в государственном подходе к религиозному наследию на примере буддизма: от кампании прямого уничтожения 1920–1930-х гг. к инструментализации буддийских организаций для внешнеполитических целей в послевоенный период и частичному возвращению артефактов в эпоху «оттепели».

Изучение проблемы сохранения культурного наследия в советский период характеризуется многоаспектностью. Одним из ключевых направлений историографии является анализ антирелигиозной политики 1920–1930-х гг. Ряд исследований, опирающихся на архивные данные, детально реконструирует законодательную и практическую базу антирелигиозных кампаний в СССР, в рамках которых основное внимание традиционно уделяется борьбе с православием. Эти работы формируют общий исторический контекст, необходимый для понимания процессов уничтожения хурулов в Калмыкии. Научные работы, основанные на архивных документах, детально освещают различные аспекты антирелигиозной политики указанного периода [36; 19; 4]. Данные исследования И. И. Целовальникова, Р. В. Ильязова; Ф. Н. Козлова и Е. Н. Бадмаевой являются региональными кейсами, которые на конкретных примерах раскрывают механизмы и последствия реализации общесоюзной антирелигиозной политики.

Фундаментальный обзор кампании 1928–1941 гг., включая статистику репрессий против духовенства, законодательные меры и идеологическое обоснование, содержатся в статьях ученых-религиоведов [11; 30]. Хотя работа О. Ю. Васильева и посвящена православию, но она детально показывает модель, по которой советское государство выстраивало отношения с религиозными организациями в этот период, – от прямых репрессий к ограниченному сотрудничеству в обмен на политическую лояльность и внешнеполитическую поддержку. Эта модель могла быть в той или иной степени применена и к другим конфессиям, включая буддийские сообщества. Труд М. И. Одинцова позволяет увидеть общую картину вероисповедной политики, выявить универсальные механизмы и тенденции, которые воздействовали на все религиозные объединения в СССР. Это помогает понять, в рамках каких общегосударственных установок и репрессивных или разрешительных мер происходило «спасение» любого религиозного наследия, включая буддийское.

В последние годы появляются исследования, затрагивающие отдельные аспекты истории буддизма в Советском Союзе. В частности, изучается феномен государственного контроля и использования буддийских институтов в советской внешней политике 1950–1970-х гг., что демонстрирует переход от тактики чистого уничтожения к управляемому и ограниченному существованию [20; 37; 15]. Представленные работы демонстрируют эволюцию от идеологизированной критики (А. Н. Кочетов) [20] к объективному историческому анализу, основанному на архивных документах (А. В. Горбатов, А. И. Андреев, Л. Л. Абаева) [15; 3; 1]. Авторы едины во мнении в том, что религиозные институты были превращены в один из инструментов советской «мягкой силы» и более гибким механизмом контроля над религиозной жизнью в условиях идеологического противостояния с Западом и необходимости укрепления влияния в странах Азии.

Системное изучение буддизма в Калмыкии, начавшееся в 1970-е гг., сформировало комплексную научную традицию, для которой характерны тематическое разнообразие и глубокая проработка ключевых проблем. Основные направления и характеристика работ авторов выделены нами основными тематическими блоками. Так, в блоке анализа институтов буддийской церкви рассматриваются проблемы изучения структуры, функционирования и эволюции буддийских хурулов (монастырей) и церковной организации в дореволюционный и советский периоды в работах Г. О. Авляева, И. В. Борисенко, Г. Ш. Дорджиевой и А. Г. Митирова [2; 10; 17; 18; 25; 34]. В блоке изучения репрессивной политики советской эпохи в отношении буддизма – документирование и анализ репрессий против буддийского духовенства, закрытия храмов и духовных школ, которые опираются на исследования Е. Н. Бадмаевой, Э. П. Бакаевой, А. Н. Басхаева, Г. Ш. Дорджиевой, К. Н. Максимова, К. В. Орловой [4–6; 8; 9; 17; 18; 24; 25; 31]. В публикациях М. С. Уланова и Э. П. Бакаевой представлен комплексный анализ досоветского периода, который охватывает такие аспекты, как раннее распространение буддизма в ойратской среде, историко-этнографическая характеристика региона, а также калмыцко-монгольские религиозные связи [35; 7].

Подчеркнем, что формирование этой научной традиции стало возможным лишь в 1970-е гг., что было обусловлено общей атеистической политикой государства. Первым крупным трудом стал сборник статей «Ламаизм в Калмыкии» [22], изданный Калмыцким научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ). За этим последовали другие сборники, а в конце 1980-х – начале 1990-х гг. появились и первые монографические работы калмыцких авторов.

Работы региональных исследователей вводят в научный оборот новые исторические источники и способствуют междисциплинарному изучению калмыцкой буддийской культуры. Ярким примером такой работы с источниками является история наследия ламы (монаха) Намки Кичикова. Его уникальная коллекция буддийских текстов и предметов культа, чудом сохранившаяся в советский период, была детально изучена и в итоге передана в музей истории буддизма центрального хурула Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни», став живой историей калмыцкого буддизма. Всего было передано 57 предметов. Настоятель хурула Анджа-лама отметил, что коллекция представляет собой не материальную, а духовную ценность, являясь «живой историей калмыцкого буддизма» и наглядным свидетельством активной религиозной практики калмыцких лам в советский период. Ключевое исследование, посвященное письменному наследию Намки Кичикова, содержится в каталоге Д. Н. Музраевой [27]. Этот каталог является серьезным исследовательским трудом, вводящим в научный оборот ценные письменные источники, свидетельствующие о непрерывности буддийской традиции в Калмыкии в конце XIX–XX вв.

В настоящее время в отдельное направление выделилась научная дисциплина «Теория и практика консервации и реставрации недвижимых объектов культурного наследия» [28; 29]. Однако проблема сохранения именно этой категории объектов, к которым могут быть отнесены танки в экстремальных политических условиях,

а также проблема реституции артефактов в места их происхождения изучены недостаточно.

Таким образом, представленный историографический экскурс в совокупности убедительно доказывает, что уничтожение хурулов в Калмыкии было не случайным или локальным явлением, а закономерным результатом целенаправленной, законодательно оформленной и централизованно управляемой государственной политики, которая с помощью унифицированных методов осуществлялась на всей территории СССР, несмотря на различия в конфессиональном ландшафте.

Итак, предлагаемое исследование заполняет лакуну в историографии, фокусируясь на микроисторическом сюжете, который позволяет проследить полный жизненный цикл религиозных артефактов – от ритуального использования через изъятие и музейное хранение до возвращения в контекст возрождающейся региональной культуры.

Основная часть

Исторический контекст: антирелигиозная политика в Калмыкии

В 1920–1930-е гг. на территории СССР проводилась масштабная кампания по борьбе с религией, затронувшая и буддийские сообщества. В Калмыцкой автономной области это выразилось в систематическом закрытии и разрушении хурулов (буддийских монастырей). Одной из жертв этой политики стал хурульный комплекс в урочище Алцынхута, принадлежавший Абганеровскому аймаку Малодербетовского улуса. Комплекс состоял из пяти родовых хурулов: Баруна, Кетчнря, Аавихна, Нойнахна и Асмуда сюме – и был важным духовным центром. По свидетельству источников, от этого комплекса «не осталось и камня», что характерно для тотального уничтожения культовых сооружений в тот период.

История хурульного комплекса в Алцынхуте имеет глубокие исторические корни:

1. *В дате основания буддийских храмов.* Согласно найденной на месте фундамента бараньей лопатке с тибетской надписью, где были начертаны число и месяц его строительства. Первые поселенцы появились в урочище в 1817 г., и тогда же началось строительство хурулов.

2. *Их географическом положении.* На картах последней трети XIX в., составленных экспедицией генерал-майора И. И. Жилинского, в то время возглавлявшего отдел земельных улучшений Министерства земледелия и государственных имуществ, одна из плотин, которая находилась к востоку от нынешнего совхоза им. А. Чапчаева, обозначена как лиман Алцын-Хута. Экспедиция занималась разработкой плана оросительных работ в южных губерниях, включая Астраханскую.

3. *Разрушении хурульных комплексов.* Закрытие и их разрушение произошло в 1927–1928 гг., что совпало с пребыванием в регионе Леонида Захаровича Захарова [23, с. 56].

Леонид Захарович Захаров, впоследствии ставший профессором зоологических наук, в конце 1920-х гг. работал инструктором на краевой станции защиты растений и занимался изучением саранчи в Северо-Кавказском крае. Его научная деятельность была сосредоточена в области энтомологии и борьбы с вредителями сельского хозяйства. При обследовании плавней Кубани, Терека и озера Сарпинского района Калмыцкой автономной области он оказался свидетелем разрушения Алцынхутинского хурула [16, л. 2]. Проявив гражданскую и научную сознательность, Захаров изъясил из разрушаемого храма две буддийские танки (иконы на ткани), понимая их ценность как артефактов. В 1934 г., уже будучи преподавателем в Ставропольском сельскохозяйственном техникуме, он передал эти танки Ворошиловскому краевому музею (ныне Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Паве). Это две буддийские танки, которые поступили от Л. З. Захарова, и сегодня входят в состав буддийской коллекции Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова.

Согласно книге поступлений музея, реликвии были получены «из хурула на озере Ли Цны хута Сарпинского района Калмыцкой автономной области. Получено при ликвидации хурула» [33], что ознаменовало начало первого этапа сохранения буддийского наследия калмыцкого народа в музейных коллекциях, когда уникальные артефакты спасались от уничтожения усилиями отдельных сознательных граждан, в частности, ученым Л. З. Захаровым.

Второй этап сохранения наследия связан с хрущевской оттепелью и реабилитацией репрессированных народов. Постановление ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов» положило начало возрождению культурной инфраструктуры Калмыкии [32, с. 200]. Развитие социально-экономической инфраструктуры регионов восстановленных автономий становится приоритетным направлением государственной политики, реализуемым через принятие комплекса союзных законодательных инициатив [12, л. 45–47; 13, л. 23–28; 14, л. 260–264].

1 января 1960 г. в Элисте был открыт республиканский краеведческий музей, инициатором чего выступил министр культуры Калмыцкой АССР А. У. Бадмаев. Но, несмотря на состоявшееся ранее открытие музея в Элисте, проблема его комплектования оставалась крайне актуальной. В мае 1960 г. заместитель министра культуры Калмыкии Б. Э. Эрдниев обратился к крупным музейным центрам с просьбой передать экспонаты, связанные с историей и культурой калмыков. В ответ на это обращение 8 июня 1960 г. Ставропольский краеведческий музей передал вновь созданному калмыцкому музею 58 экспонатов, включая две танки из Алцынхуты. Официальная передача по акту № 187 состоялась 27 июля 1963 г.

Переданные экспонаты, включая уникальные танки из Алцынхуты, стали одними из первых жемчужин калмыцкой коллекции в республиканском музее и заложили основу для будущих научных исследований и музейных экспозиций, посвященных истории и культуре калмыцкого народа. Эта помощь стала ярким примером межмузейного сотрудничества и бесценной поддержкой, о которой старшие коллеги из Национального музея Республики Калмыкия вспоминают до сих пор.

Описание и значение спасенных танок

Танка «Манджушри» (размер 42×57 см). Иконография: изображает бодхисаттву мудрости Манджушри, восседающего на синем льве. В верхней части изображен Амитаюс (Будда Бесконечной Жизни), в нижней – Зеленая и Белая Тары.

Культурно-религиозное значение танки, как отмечает доктор исторических наук Е. В. Иванова, заключается в том, что Манджушри почитается во всех школах северного буддизма как владыка чистой земли на Востоке, воплощение высшей мудрости (праджняпарамиты), способствующий постижению истинной сущности вещей и освобождению от страданий. Данная танка является не просто произведением искусства, но и сакральным объектом, используемым в медитативной практике. Через созерцание образа верующие стремятся развить в себе мудрость и различение, которые символизирует Манджушри. Присутствие Амитаюса олицетворяет долголетие и непрерывность передачи учения, а Тары – активное сострадание и защиту. Таким образом, эта танка служит мощным инструментом для духовного развития и визуальным воплощением ключевых аспектов буддийской философии.

Танка «Сипа-хо» (размер 28,5×31,5 см, датируется XIX – началом XX в.). Назначение: используется для защиты, представляет знаки и символы Вселенной и ее живых существ на языке астрологии. Иконография: в центре изображена Большая Золотая Черепаха – воплощение бога мудрости Манджушри, лежащая на спине в защитном пламени, оберегающего от злых духов. На панцире расположены девять магических квадратов Мева, восемь триграмм Парха и 12 животных. Композиция включает пять элементов (Огонь, Вода, Дерево, Железо, Земля), обозначающих стороны света. В верхних углах помещены талисман божества Калачакры (под Луной) и талисман Падмасамбхавы (под Солнцем). Справа изображены три бодхисаттвы: Авалокитешвара (сострадание), Манджушри (мудрость) и Ваджрапани (энергия

и могущество). Символы стихии Земли расположены на четырех конечностях Черепахи. Особенность танки «Сипа-хо» в том, что на ее оборотной стороне черной краской на тибетском языке написана молитва-мантра.

Спасение этой уникальной танки «Сипа-хо» является сохранением бесценного памятника тибетской астрологии и магической иконографии. В отличие от большинства танок, предназначенных для медитации, «Сипа-хо» является действенным защитным инструментом. Она представляет собой сложную космологическую карту, где магические диаграммы, астрологические символы и священные образы объединены для гармонизации энергий и отражения негативных влияний. Черепаха как воплощение Манджушри символизирует стабильность мироздания и мудрость, лежащую в его основе. Наличие мантры на обороте усиливает сакральную мощь предмета, делая его не изображением, а вместилищем духовной силы. Такие танки использовались для защиты дома, монастыря или конкретного человека от болезней, злых сил и астрологически неблагоприятных периодов. Их ценность заключается в практическом применении глубоких знаний о взаимосвязи человека и вселенной, характерном для тибетского буддизма.

Спасение этих двух танок – это не просто возвращение в культурный оборот двух старинных произведений искусства. Это сохранение живых религиозных традиций, сакральных текстов, написанных красками и тканью. Каждая из танок служила мостом между миром людей и миром божеств, являясь объектом поклонения, инструментом для практики и источником благословения. Их сохранение позволяет поддерживать непрерывность духовной линии, дает возможность будущим поколениям исследовать иконографию, символизм и философию буддизма, а также является актом уважения к культурной идентичности народов, исповедующих эту религию.

Заключение

История спасения двух танок из урочища Алцынхута в Калмыцкой автономной области служит многогранной иллюстрацией судеб культурного наследия в эпоху политических катаклизмов. Уничтожение хуровского комплекса стало не просто актом вандализма, а частью системной политики, направленной на разрыв исторической и духовной преемственности народов. Это была попытка «обнулить» память, вырвать из коллективного сознания целые пласты традиционной культуры.

На этом фоне поступок профессора Л. З. Захарова предстает не просто частным случаем спасения реликвий, но актом интеллектуального и гражданского сопротивления. Действуя вопреки господствующей идеологии, он руководствовался не религиозными убеждениями, а высшими принципами научного гуманизма и просвещенного патриотизма. Будучи ярким представителем научной интеллигенции, Захаров осознавал непреходящую ценность артефактов не как культовых предметов, а как уникальных памятников материальной и духовной культуры, значимых не только для калмыцкого народа, но и для всего культурного многообразия страны. Его действия демонстрируют, что истинная наука часто выступает единственным хранителем памяти, когда официальные институты эту память пытаются искоренить.

Таким образом, данный исторический сюжет наглядно демонстрирует сложный механизм сохранения культурного наследия в экстремальных исторических условиях. В нем трагедия тотального уничтожения оказывается неразрывно сплетенной с надеждой на возрождение, воплощенной в личной ответственности отдельного человека. Спасенные танки прошли полный символический цикл: из сакрального пространства храма они были изъяты в небытие, затем, благодаря подвижничеству, обрели статус музейного объекта, сохранившего физическую оболочку, и, наконец, в эпоху реабилитации репрессированных народов вернулись в свое культурное пространство, вновь наполнившись духовным смыслом для новых поколений.

Этот случай выходит за рамки локальной истории. Он является микромоделью диалектики истории, где разрушительная энергия государства сталкивается с созидательной волей личности. Судьба алцынхутских танок – это напоминание о том, что культура, даже будучи физически уничтоженной, способна возродиться, если

остается хранитель – человек или сообщество, – готовые стать звеном в цепи передачи этой культуры из прошлого в будущее.

Список источников

1. Абаева, Л. Л. Восстановление буддийских монастырей этнической Бурятии в послевоенный период / Л. Л. Абаева // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2015. – № 3(19). – С. 52–57.
2. Авляев, Г. О. Калмыцкие хурулы в XIX в. / Г. О. Авляев // Ламаизм в Калмыкии. – Элиста : Калмыцкий научно-исследовательский ин-т языка, литературы и истории, 1977. – С. 56–69.
3. Андреев, А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т; Нартанг, 2006. – 465 с.
4. Бадмаева, Е. Н. Религиозная политика советского государства в период НЭПа: на примере Калмыцкой автономной области / Е. Н. Бадмаева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2009. – Т. 9, № 1 (56). – С. 107–113.
5. Бадмаева, Е. Н. Государственная политика и религиозная ситуация в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е гг. / Е. Н. Бадмаева // Буддизм в России и на Западе: исторический опыт и современные реалии. – Элиста : Джангар, 2012. – С. 25–30.
6. Бадмаева, Е. Н. Церковная политика советского государства в Калмыкии в 1921–1922 гг. / Е. Н. Бадмаева // Буддийская культура и мировая цивилизация на пороге III тысячелетия. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2000. – С. 203–205.
7. Бакаева, Э. П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки / Э. П. Бакаева. – Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1994. – 128 с.
8. Бакаева, Э. П. Репрессии против духовенства: о закрытии высшей конфессиональной школы Чеея в Калмыкии / Э. П. Бакаева // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2013. – № 4. – С. 7–14.
9. Басхаев, А. Н. Буддийская церковь в Калмыкии: 1900–1943 гг. / А. Н. Басхаев. – Элиста : Джангар, 2007. – 240 с.
10. Борисенко, И. В. Храмы Калмыкии / И. В. Борисенко. – Элиста : Джангар, 1994. – 120 с.
11. Васильева, О. Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. / О. Ю. Васильева. – Москва : Ин-т российской истории 2001. – 212 с.
12. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. А 501. – Оп. 1. – Д. 1620.
13. ГАРФ. – Ф. А 501. – Оп. 1. – Д. 2170.
14. ГАРФ. – Ф. А 501. – Оп. 1. – Д. 2656.
15. Горбатов, А. В. Буддисты и Советское государство в 1946–1960-е гг. / А. В. Горбатов // Российская история. – 2018. – № 5. – С. 77–88. – doi: 10.31857/S086956870001572-7.
16. Государственный архив Саратовской области. – Ф. Р-3650. – Оп. 1. – Д. 4.
17. Дорджиева, Г. Ш. Буддийская церковь Калмыкии в конце XIX – первой половине XX в. / Г. Ш. Дорджиева. – Москва : Ин-т российской истории РАН, 2001. – 181 с.
18. Дорджиева, Г. Ш. Репрессированное буддийское духовенство в Калмыкии / Г. Ш. Дорджиева. – Элиста : Калмыцкий гос. ун-т, 2014. – 191 с.
19. Козлов, Ф. Н. Закрытие церквей как элемент государственной антирелигиозной политики в конце 1920-х – начале 1930-х годов (по материалам национальных республик Среднего Поволжья) / Ф. Н. Козлов // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 1. – С. 26–34.
20. Кочетов, А. Н. Ламаизм / А. Н. Кочетов. – Москва : Наука, 1973. – 200 с.
21. Кузнецова, А. С. Панчен-эртни Чоэки Гялцань (Панчен-лама X) и политика КПК в Тибете / А. С. Кузнецова // Преподаватель. XXI век. – 2015. – № 3–2. – С. 359–366.
22. Ламаизм в Калмыкии. – Элиста : Калмыцкий научно-исследовательский ин-т языка, литературы и истории, 1977. – 112 с.
23. Лиджиева, И. В. Пути хозяйственного развития Калмыцкой степи в оценках столичных чиновников (последняя треть XIX – начало XX веков) / И. В. Лиджиева // Новый исторический вестник. – 2022. – № 4 (74). – С. 48–62. – doi: 10.54770/20729286_2022_4_48.
24. Максимов, К. Н. Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е гг. / К. Н. Максимов. – Москва : Наука, 2004. – 311 с.
25. Максимов, К. Н. Антирелигиозная политика советской власти в Калмыкии (1918–1928 гг.) / К. Н. Максимов // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. – Краснодар : Экоинвест, 2013. – Ч. 2. – С. 167–178.

26. Митиров, А. Г. К истории Арши Бакшин хурула / А. Г. Митиров // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд гавджи). 1887–1980. – Элиста : Калмыцкий научно-исследовательский ин-т истории, филологии и экономики, 2008. – С. 146–149.
27. Музраева, Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии / Д. Н. Музраева. – Элиста : Джангар, 2012. – 224 с.
28. Мучаева, И. И. Формирование калмыцкой коллекции музея Северного Кавказа / И. И. Мучаева // Кунсткамера. – 2024. – № 2. – С. 168–177. – doi: 10.31250/2618-8619-2024-2(24)-168-177.
29. Мучаева И. И. Буддийские коллекции в музейном пространстве России: причины и условия формирования / И. И. Мучаева // *Nomadic Civilization: historical research*. – 2025. – Т. 5, № 1. – С. 62–73. – doi: 10.53315/2782-3377-2025-5-1-62-73.
30. Одинцов, М. И. Вероисповедная политика Советского государства в 1939–1958 гг. / М. И. Одинцов // *Власть и Церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958*. – Москва : Ин-т славяноведения, 2003. – С. 7–68.
31. Орлова, К. В. Цанид Чере в Калмыкии / К. В. Орлова // *Бурят-монголы накануне III тысячелетия: опыт кочевой цивилизации. Россия – Восток – Запад в судьбе народа*. – Улан Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 1997. – С. 111–112.
32. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. – Москва : Демократия, 2003. – Т. 2: Февраль 1956 – начало 80-х годов / сост. А. Н. Артизов, Ю. В. Сигачев, В. Г. Хлопов, И. Н. Шевчук. – 960 с.
33. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе. – КП 2974/1 (основной фонд).
34. Убушиева, С. И. Атеистическая пропаганда в Калмыкии / С. И. Убушиева. – Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1986. – 71 с.
35. Уланов, М. С. Калмыцко-монгольские религиозные связи: исторический опыт и современность / М. С. Уланов // *Востоковедные исследования в Калмыкии*. – Элиста : Калмыцкий гос. ун-т, 2007. – Вып. 3. – С. 43–49.
36. Целовальникова, И. И. Реализация нормативно-правовых актов в сфере антирелигиозной политики в СССР в конце 1920-х – 1930-е гг. (на примере Ульяновской губернии) / И. И. Целовальникова, Р. В. Ильязова // *Власть*. – 2015. – № 1. – С. 109–112.
37. Terentyev, A. *Tibetan Buddhism in Russia* / A. Terentyev // *The Tibet Journal*. – 1996. – Vol. 21, № 3. *Russian –Tibetan Relations (Autumn 1996)*. – P. 60–70.

References

1. Abaeva, L. L. *Vosstanovleniye buddiyskikh monastyrey etnicheskoy Buryatii v poslevoennyuy period* [Restoration of Buddhist Monasteries in Ethnic Buryatia in the postwar period]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2015, no. 3 (19), pp. 52–57.
2. Avlyayev, G. O. *Kalmyk Khurals in the 19th Century* [Kalmyk khuruls in the 19th century]. *Lamaizm v Kalmykii* [Lamaism in Kalmykia]. Elista: Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History; 1977, pp. 56–69.
3. Andreev, A. I. *Tibet v politike carskoj, sovetskoj i postsovetskoj Rossii* [Tibet in the Politics of Tsarist, Soviet, and Post-Soviet Russia]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; Nartang; 2006, 465 p.
4. Badmaeva, E. N. *Religioznaya politika sovetskogo gosudarstva v period NEPa: na primere Kalmytskoy avtonomnoy oblasti* [Religious policy of the Soviet state during the NEP period: the example of the Kalmyk Autonomous Oblast]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific bulletin of Belgorod State University]. 2009, no. 1 (56), vol. 9, pp. 107–113.
5. Badmaeva, E. N. *Gosudarstvennaya politika i religioznaya situatsiya v Nizhnem Povolzhe v 1920–1930-e gg.* [State policy and religious situation in the Lower Volga region in the 1920–1930^s]. *Buddizm v Rossii i na Zapade: istoricheskiy opyt i sovremennyye realii* [Buddhism in Russia and in the West: historical experience and modern realities]. Elista: Dzhangar; 2012, pp. 25–30.
6. Badmaeva, E. N. *Tserkovnaya politika sovetskogo gosudarstva v Kalmykii v 1921–1922 gg.* [Church policy of the Soviet state in Kalmykia in 1921–1922]. *Buddiyskaya kultura i mirovaya tsivilizatsiya na poroge III tysyacheletiya* [Buddhist culture and world civilization on the threshold of the 3rd millennium]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2000, pp. 203–205.
7. Bakaeva, E. P. *Buddizm v Kalmykii. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Buddhism in Kalmykia. Historical and Ethnographic Essays]. Elista: Kalmyk Book Publishing House; 1994, 128 p.

8. Bakaeva, E. P. Repressii protiv duhovenstva: o zakrytii vysshey konfessionalnoy shkoly Cheerya v Kalmykii [Repressions against the Clergy: On the Closure of the Cheerya Higher Confessional School in Kalmykia]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2013, no. 4, pp. 7–14.
9. Baskaev, A. N. *Buddiyskaya tserkov v Kalmykii: 1900–1943 gg.* [Buddhist Church in Kalmykia: 1900–1943]. Elista: Dzhangar; 2007, 240 p.
10. Borisenko, I. V. *Khramy Kalmykii* [Temples of Kalmykia]. Elista: Dzhangar; 1994, 20 p.
11. Vasileva, O. Yu. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* [The Russian Orthodox Church in the Policy of the Soviet State in 1943–1948]. Moscow: Institute of Russian History; 2001, 212 p.
12. *State Archives of the Russian Federation*. Fund A 501, inventory 1, case 1620.
13. *State Archives of the Russian Federation*. Fund A 501, inventory 1, case 2170.
14. *State Archives of the Russian Federation*. Fund A 501, inventory 1, case 2656.
15. Gorbatov, A. V. Buddisty i Sovetskoe gosudarstvo v 1946–1960-e gg. [Buddhists and the Soviet State in the 1946–1960]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History]. 2018, no. 5, pp. 77–88, doi: 10.31857/S086956870001572-7.
16. *State Archives of the Saratov Region*. Fund R-3650, inventory 1, case 4.
17. Dordzhieva, G. Sh. *Buddiyskaya tserkov Kalmykii v kontse XIX – pervoy polovine XX v.* [The Buddhist Church of Kalmykia in the Late 19th – First Half of the 20th Century]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 2001, 181 p.
18. Dordzhieva, G. Sh. *Repressirovannoe buddiyskoe duhovenstvo v Kalmykii* [The Repressed Buddhist Clergy in Kalmykia]. Elista: Kalmyk State University; 2014, 191 p.
19. Kozlov, F. N. Zakrytie tserkvey kak element gosudarstvennoy antireligioznoy politiki v konce 1920-kh – nachale 1930-kh godov (po materialam natsionalnykh respublik Srednego Povolzhya) [Closing of churches as an element of state anti-religious policy in the late 1920^s – early 1930^s (based on materials from the national republics of the Middle Volga region)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2014, no. 1, pp. 26–34.
20. Kochetov, A. N. *Lamaizm* [Lamaism]. Moscow: Nauka; 1973, 200 p.
21. Kuznetsova, A. S. Panchen-ertni Choeki Gyaltsan (Panchen-lama X) i politika KPK v Tibete [Panchen-ertni Choeki Gyaltsan (Panchen Lama 10th) and the policy of the CPC in Tibet]. *Prepodavatel. XXI vek* [Lecturer. 21st century]. 2015, no. 3–2, pp. 359–366.
22. *Lamaizm v Kalmykii* [Lamaism in Kalmykia]. Elista: Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History; 1977, 112 p.
23. Lidzhieva, I. V. Puti khozyaystvennogo razvitiya Kalmytskoy stepi v otsenkakh stolichnykh chinovnikov (poslednyaya tret XIX – nachalo XX vekov) [Paths of Economic Development of the Kalmyk Steppe in the Assessments of Moscow Officials (Last Third of the 19th – early 20th Centuries)]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [New Historical Herald]. 2022, no. 4 (74), pp. 48–62, doi: 10.54770/20729286_2022_4_48.
24. Maksimov, K. N. *Tragediya naroda. Repressii v Kalmykii. 1918–1940-e gody.* [Tragedy of the People. Repressions in Kalmykia. 1918–1940^s]. Moscow: Nauka; 2004, 311 p.
25. Maksimov, K. N. Antireligioznaya politika sovetskoy vlasti v Kalmykii (1918–1928 gg.) [Anti-religious Policy of the Soviet Power in Kalmykia (1918–1928)]. *Problemy istorii massovykh politicheskikh repressiy v SSSR. 1953–2013: 60 let bez Stalina. Osmyslenie proshlogo sovetskogo gosudarstva* [Problems of the History of Mass Political Repressions in the USSR. 1953–2013: 60 Years Without Stalin. Understanding the Past of the Soviet State]. Krasnodar: Ekoinvest; 2013, part 2, pp. 167–178.
26. Mitirov, A. G. K istorii Arshi Bakshin khurula [On the history of Arshi Bakshin khurul]. *Buddiyskaya traditsiya v Kalmykii v XX veke: pamyati O. M. Dordzhieva (Tugmyud gavdzhii). 1887–1980* [Buddhist tradition in Kalmykia in the 20th century: in memory of O. M. Dordzhiev (Tugmyud gavdzhii). 1887–1980]. Elista: Kalmyk Scientific Research Institute of History, Philology and Economics; 2008, pp. 146–149.
27. Muzraeva, D. N. Buddiyskiye pismennyye istochniki na tibetskom i oyratskom yazykakh v kollektsiyakh Kalmykii [Buddhist written sources in the Tibetan and Oirat languages in the collections of Kalmykia]. Elista: Dzhangar; 2012, 224 p.
28. Muchaeva, I. I. Formirovanie kalmytskoy kollektzii muzeya Severnogo Kavkaza [Formation of the Kalmyk collection of the North Caucasus Museum]. *Kunstkamera* [Kunstkamera]. 2024, no. 2, pp. 168–177, doi: 10.31250/2618-8619-2024-2(24)-168-177.
29. Muchaeva, I. I. Buddiyskie kollektzii v muzeynom prostranstve Rossii: prichiny i usloviya formirovaniya [Buddhist Collections in the Museum Space of Russia: Causes and Conditions of

Formation]. *Nomadic Civilization: Historical Research* [Nomadic Civilization: Historical Research]. 2025, vol. 5, no. 1, pp. 62–73, doi: 10.53315/2782-3377-2025-5-1-62-73.

30. Odintsov, M. I. Veroispovednaya politika Sovetskogo gosudarstva v 1939–1958 gg. [Religious Policy of the Soviet State in 1939–1958]. *Vlast i Tserkov v SSSR i stranakh Vostochnoy Evropy. 1939–1958* [Power and the Church in the USSR and Eastern European Countries. 1939–1958]. Moscow: Institute of Slavic Studies; 2003, pp. 7–68.

31. Orlova, K. V. Tsanid Chere v Kalmykii [Tsanid Chöre in Kalmykia]. *Buryat-mongoly nakanune III tysyacheletiya: opyt kochevoy tsivilizatsii. Rossiya – Vostok – Zapad v sudbe naroda* [Buryat Mongols on the Eve of the Third Millennium: The Experience of Nomadic Civilization. Russia – East – West in the Fate of a People]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 1997, pp. 111–112.

32. *Reabilitatsiya: kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma CK KPSS i drugie materialy* [Rehabilitation: How It Was. Documents of the Presidium of the Central Committee of the CPSU and Other Materials]. Moscow: Demokratiya; 2003, vol. 2, 960 p.

33. *Stavropolskiy gosudarstvennyy istoriko-kulturnyy i prirodno-landshaftnyy muzey-zapovednik im. G. N. Prozriteleva i G. K. Prave* [Stavropol State Historical, Cultural and Natural Landscape Museum-Reserve named after G. N. Prozritelev and G. K. Prave]. KP 2974/1 (main collection).

34. Ubushieva, S. I. *Ateisticheskaya propaganda v Kalmykii* [Atheistic Propaganda in Kalmykia]. Elista: Kalmyk Book Publishing House; 1986, 71 p.

35. Ulanov, M. S. Kalmycko-mongolskie religioznye svyazi: istoricheskiy opyt i sovremennost [Kalmyk-Mongolian religious ties: historical experience and modernity]. *Vostokovednye issledovaniya v Kalmykii* [Oriental studies in Kalmykia]. Elista: Kalmyk State University; 2007, iss. 3, pp. 43–49.

36. Tselovalnikova, I. I., Ilyazova, R. V. Realizatsiya normativno-pravovykh aktov v sfere antireligioznoy politiki v SSSR v konce 1920-kh – 1930-e gg. (na primere Ulyanovskoy gubernii) [Implementation of normative legal acts in the sphere of anti-religious policy in the USSR in the late 1920s – 1930s (on the example of the Ulyanovsk province)]. *Vlast* [Power]. 2015, no. 1, pp. 109–112.

37. Terentyev, A. Tibetan Buddhism in Russia. *The Tibet Journal*. 1996, vol. 21, no. 3, pp. 60–70.

Информация об авторе

Мучаева И. И. – кандидат исторических наук.

Information about the author

Muchaeva I. I. – Candidate of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 13.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 13.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.